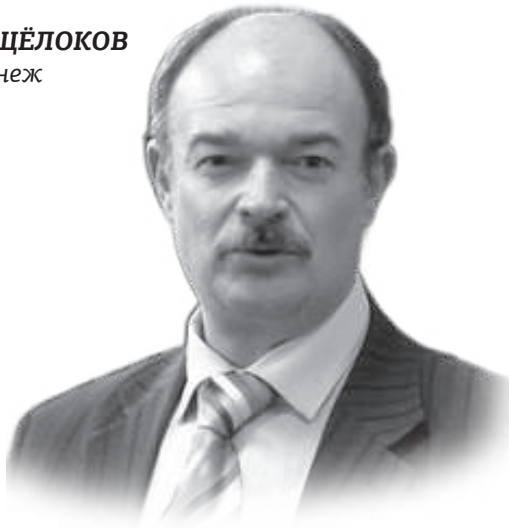

Иван ЩЁЛОКОВ
г. Воронеж

*«Чем дальше
в жизнь,
тем больше
веры в Бога...»*

* * *

Чем дальше в жизнь, тем больше веры в Бога
И тем дороже куст ракиты на лугу.
Мне для любви не требуется много:
Дышать и видеть — всё, что я могу.

Я двум векам служил по чести-правде,
Советским был, теперь — российский весь.
Не отдавался скуке и браваде,
Хранил лишь нежность ко всему, что здесь.

Не предавал ни друга и ни брата,
Не ныл, не хаял Родину отцов,
Когда её крушили подловато
Лакеи всех мастей и образцов.

Я двум векам, как двум богам, молился.
И горд, что верю в Бога одного.
Мне в двух столетиях куст ракиты снился,
И я, мальчонка, около него...

Иван Александрович ЩЁЛОКОВ

родился в 1956 году в Воронежской области.

Автор пятнадцати книг. Печатался
в «Литературной газете», альманахе «День Поэзии.

XXI век» за 2006—2023 гг., журналах

«Наш современник», «Москва», «Молодая гвардия»,

«Роман-журнал. XXI век», «Сельская новь»,

«День и ночь» (Красноярск), «Север» (Петрозаводск), «Огни

Кузбасса» (Кемерово), «Дон» (Ростов),

«Новая литературная Немига» (Белоруссия) и других.

Заслуженный работник культуры России,

лауреат многих литературных премий.

В настоящее время главный редактор литературно-художественного журнала «Подъём», председатель правления Воронежского регионального отделения

Союза писателей России.

* * *

Мой век — не глашатай,
но в чём-то — предтеча.
В армейском бушлате шагнул нам навстречу.

На плечи саженьи примерил тельняшку:
Готова к сраженью душа нараспашку.

Век мог бы в Европе пить пиво со шнапсом,
Но выбрал окопы и правду донбассцев.

И бабушкин дворик, и мудрость училки...
Был в веке том Дворжак, и Рубенс, и Рильке.

В нём равно творили Бетховен, Россини...
Мой век отменили в отместку России.

Простите их, Гейне, Да Винчи и Гойя!
Вы тоже — в отмене, навывлет — без боя.

А в русском сюжете мелькнёт простодушно
Под бронежилетом обложка «А. Пушкин».

В минуты затишья с блиндажной истомой
Читаем (чтоб слышно!) потрепаннный томик.

И кто-то не сдержит себя и в ударе
Чайковского врежет (до слёз!) на гитаре.

Притихнут опушки у поймы днепровской...
Мой век — это Пушкин, а также — Чайковский!

* * *

Птица белая. Время чёрное...
 Что здесь делаю? Дёрнул чёрт меня...

Что здесь делаю? И по праву ли
 Птицей белою душу правлю я?

То ли нё жил я, то ль живу сейчас...
 Жил бы, нежился в свой досужий час.

Но пришли горя, беды прочие...
 Голосит заря девкой спорченной.

Над яругами, над болотиной
 Вдаль с хоругвями смотрит родина.

Птицей чёрною — время дымное...
 Заграничный чёрт до войны довёл.

Мать Божия — птица горняя —
 Растревоженной выётся горлицей

Над Оскол-рекой, по-над Доном ли...
 Я и сам такой, обездоленный!

Распростёр крыла в небе родины.
 Эх, была ль, не была — целы вроде бы!

Звоны. Благовест... Сердце — птахою...
 Лишь поправлю крест под рубахою.

* * *

По всем направлениям взъярённой души —
 Засады, броски и пальба...
 Ты сердце моё в добровольцы впиши,
 Пока не утихла борьба.

Впиши меня в пасмурный этот рассвет,
 В июньскую морось с Донца...
 Что было — к тому возвращения нет,
 Что будет — к тому до конца.

И вязнет в густой чернозёмной грязи
 Хваленый заморский сапог.
 Ты только назад ничего не вези —
 Нет в мире обратных эпох.

Впиши в добровольцы надежд, и побед,
 И скорых на смену погод,
 Чтоб сердце себе ж не стучало во вред,
 Впадая в безвольный разброд.

Ненастье закончится с первым лучом,
 Пройдёт с пробуждением от сна...
 И взгляд устремляется вслед за ручьём
 Туда, где пока что — война.

* * *

Дождик ноябрьский — небесный тихоня.
 Сеет из тучи без всякого зла.
 Я подставляю под капли ладони,
 Чтобы тоска не сжигала дотла.

Сей, бедолага! С последним денёчком
 Сдует тепло и присыплет снежком...
 Хочешь — целуй эту девушку в щёчки:
 Щёчки под зонтиком — кровь с молоком.

Хочешь — томлёную гроздь «изабеллы»
 Наземь с лозы оголённой смахни.
 Только бы души в нас не перезрели,
 Путая вечность и скорые дни.

Стоит замешкаться — мимо проскачут
 С ветром залётным мгновенье и век...
 Гроздь виноградную рву наудачу —
 Самый счастливый в тот миг человек.